

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

St.Petersburg Journal of Oriental Studies

**выпуск 5
volume 5**

Центр
"Петербургское Востоковедение"

Санкт-Петербург
1994

Азиатское наследие в русской культурной и научной традиции

(Предисловие)

Ю. А. Петросян
(Институт востоковедения РАН)
(Санкт-Петербург)

Предваряя этой статьей знакомство с настоящим сборником, мы ставим своей целью познакомить читателя, в самых общих чертах, с местом культурного наследия народов Востока в российской культуре и науке, очертить общие контуры культурного взаимодействия России с сопредельными странами и народами Востока. Наконец, в связи с конкретным содержанием данного сборника, целесообразно дать читателю и представление о значении изучения письменных памятников народов Востока петербургскими востоковедами, изучения, ставшего одним из важнейших путей взаимодействия русской культуры с культурными мирами восточных народов.

Очевидно, что вопрос о месте азиатского культурного наследия в русской культуре и науке должен рассматриваться нами как часть проблемы культурного взаимодействия всех народов мира. Непреложным фактом пройденного человечеством исторического пути развития является то, что нынешние культурные и научные достижения человечества являются результатом труда всех народов мира, всего человечества. Конечно, в этом процессе на протяжении всей человеческой истории участвовало много различных народов, у которых были весьма различные исторические судьбы, разные условия формирования культурных ценностей. Но созданное каждым народом входило в общую сокровищницу человеческой культуры. Культурные связи между народами, продолжавшиеся веками, были и остаются важнейшей основой развития общечеловеческой культуры. Россия в силу своего географического положения на стыке Европы и Азии издавна соприкасалась с культурой многих азиатских народов — от мусульманских народов Ближнего Востока и Средней Азии до мира буддизма и конфуцианства в Южной Азии и на Дальнем Востоке.

Наиболее ранние контакты России с миром тюркоязычных и монгольских народов, а также с восточными народами региона Ближнего Востока, предопределили и наиболее давнее соприкосновение русской культуры с культурным миром этих народов.

Выдающийся русский востоковед академик В. В. Бартольд отмечал, что русское государство по своему географическому положению с первых же веков своего существования было подвержено культурным влияниям как с Запада, так и с Востока. Он же писал, что уже самый ранний, дохристианский период истории России был периодом тесной культурной ее связи с Востоком, ибо бассейн Волги в ту пору находился под непосредственным влиянием переднеазиатских культурных элементов. Примечателен факт применения хазарского титула *каган* в отношении русских князей в середине IX века.

Другой известный советский ученый-тюрколог академик А. Н. Кононов отмечал, что связи восточных славян с восточными племенами, в том числе с тюркскими, задолго до образования Киевской Руси оставили заметный след в этногенезе и культуре, архитектуре и употреблении предметов домашнего обихода, в ряде деталей быта, а также в языковой лексике. В русских летописях, в памятнике древнерусской литературы XII в. "Слово о полку Игореве", в ряде терминов животноводства, в фамилиях и прозвищах, в топонимах присут-

ствуют многочисленные восточные (главным образом тюркские) заимствования. О тесном многовековом общении русских и тюркоязычных народов говорит и присутствие "восточных мотивов" в русском фольклоре. Даже посольский церемониал носил у русских князей вплоть до Петра I азиатский, точнее татарский характер.

Уже в "Повести временных лет" — древнейшем русском летописном памятнике — содержится множество данных не только о географии стран Ближнего Востока, но и интереснейшие сведения о быте, нравах и обычаях народов этого региона. А после принятия Русью христианства страны Ближнего Востока все чаще посещали русские торговые люди и представители русской церкви. Паломничества к "святым местам" Палестины, начиная с XI — XII вв. все более и более расширяли знания русских людей о народах Ближнего Востока, их жизни, традициях и культуре. Русские паломники и путешественники, многочисленные купцы регулярно посещали Константинополь, Александрию, Дамаск, Каир, Антиохию, Иерусалим. После захвата Константинополя турками в 1453 г. и окончательного падения Византийской империи русские путешественники и дипломаты, купцы и паломники регулярно совершали поездки по землям османских султанов, доставляя в Россию сведения о жизни и быте многих восточных народов, оказавшихся на несколько столетий подданными империи османов. Культура народов, населявших Малую Азию, Египет, Сирию и Палестину, их языки и особенности быта и нравов уже в XV—XVII вв. постоянно входили в круг знаний образованных русских людей.

Путешествия русских людей по странам Ближнего Востока внесли в русскую науку и культуру большой новый пласт знаний, позволили уже в допетровской России накопить значительную сумму знаний по географии и этнографии этого региона, значительно расширить географический горизонт русских людей того времени. Среди работ, появившихся в допетровской Руси и сыгравших важную роль в знакомстве русских людей с историей и культурой народов Ближнего Востока, особое место занимает "Скифская история", принадлежащая перу стольника А. И. Лызлова. Этот труд, созданный в конце XVII в., был, в сущности, первой научной работой о Ближнем Востоке, созданной в России. Книга А. И. Лызлова — свидетельство большого интереса русских людей к жизни и быту, истории и культурным традициям монголов, татар и турок.

С конца XVII в. в русский язык начинается приток арабских слов, которые проникали в него в результате пребывания русских паломников в Палестине. В XVIII в. в России уже очевидно чувствовалась потребность в знаниях о Востоке, в частности об арабской культуре. Определенное место в круге литературных интересов М. В. Ломоносова занимала и арабская литература. Не случайно в конце XVIII в. были опубликованы два перевода Корана (первый перевод Корана в России появился в самом начале XVIII в.) Перевод М. И. Веревкина (1790 г.) доставил А. С. Пушкину основной материал для его работы над "Подражаниями Корану". Восточные мотивы характерны для ряда произведений и других выдающихся русских поэтов — М. Ю. Лермонтова, А. А. Фета, С. А. Есенина.

Известен значительный интерес Л. Н. Толстого к культуре народов Востока, в том числе к жизни и быту, религиям и литературе народов Ближнего Востока. Примечательно, что великий русский писатель изучал арабский и турецкий языки, проявлял интерес к турецкой и арабской литературе. После Крымской войны 1853—1855 гг. Л. Н. Толстой особенно внимательно интересовался жизнью народов Османской империи. Этот интерес он сохранял на протяжении нескольких десятилетий. В круге культурных и научных интересов Л. Н. Толстого был, в частности, и турецкий фольклор, образцы турецкой народной мудрости писатель использовал в таких своих произведениях как "Круг чтения", "Путь жизни", "Мысли мудрых людей на каждый день". Л. Н. Толстой в конце XIX в. переписывался с рядом видных деятелей турецкой культуры. Он поддерживал отношения и с некоторыми деятелями арабской культуры, а также с видными арабскими общественными деятелями. К жизни и культуре арабских стран он не раз обращался в своих публицисти-

Восточные соседи России (мир письменности и культуры)

ческих произведениях. Известно, что Л. Н. Толстой не раз высказывал огромное уважение к древней культуре арабских народов, к их литературе и фольклору, изучал историю арабов, живо интересовался их повседневной жизнью. Народы Турции и арабских стран уже при жизни этого великого деятеля русской культуры и литературы выразили ему глубокое уважение большим интересом к творчеству Л. Н. Толстого, многие произведения которого переводились в странах Ближнего Востока уже в конце XIX века.

Хорошо знал Ближний Восток и другой выдающийся русский писатель И. А. Бунин, который много путешествовал по странам Ближнего Востока в начале XX века. Он многократно бывал в Турции, посетил Стамбул тридцать раз, бывал в Сирии и Палестине, Египте, Алжире и Тунисе. Его путешествия дали писателю материал для целого цикла рассказов и очерков о странах и народах этого региона, которые составили изданный позже (в 1931 г.) сборник "Тень птицы". Результаты его изучения культурного мира народов Ближнего Востока нашли свое отражение в ряде повестей и рассказов писателя. В поэзии И. А. Бунина восточные мотивы были особенно сильны в произведениях, написанных в начале века. Рассматривая ориентальную поэзию И. А. Бунина, современные исследователи его творчества отмечают, что он занимает особенно значительное место в ряду тех представителей русской культуры, чей интерес к Востоку был глубоким и устойчивым. Поэзию И. А. Бунина питали Коран и "Песня Песней", арабская средневековая поэзия, иранская мифология и живая действительность современного его творчеству культурного мира народов Ближнего Востока.

Одним из важнейших каналов взаимодействия русской культуры с культурой народов Ближнего Востока стали в XIX веке востоковедные научные и учебные центры России (Петербург, Москва, Казань). Созданный в 1818 г. Азиатский Музей Российской Академии Наук (ныне Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН) стал центром собирания и изучения письменного культурного наследия народов Востока, а Восточный факультет Петербургского университета с середины XIX в. стал крупнейшим в России центром по подготовке кадров востоковедов и изучения истории и культуры восточных народов, в том числе народов Ближнего Востока. В этих научных центрах на протяжении XIX века трудились выдающиеся ученые — Х. Д. Френ, Б. А. Дорн, В. Р. Розен, В. В. Радлов, О. И. Сенковский, П. С. Савельев, А. О. Мухлинский, А. К. Казембек, В. В. Григорьев, Н. И. Веселовский, И. Н. Березин, В. Ф. Гиргас, Д. А. Хвольсон. Эти ученые и их ученики и коллеги создали научную базу российского востоковедения, а их труды по истории и литературе, языкам и фольклору народов Ближнего Востока способствовали познанию культурного наследия этих народов образованной частью русского общества. В результате азиатское культурное наследие все более осваивалось русской культурой и наукой.

Такие же процессы мы наблюдаем, рассматривая вопрос об азиатском культурном наследии в русской науке и культуре на материалах, относящихся к сопредельным с Россией странам и народам Дальнего Востока. Типологически процессы здесь протекали так же, но иными были хронологические рамки, ибо контакты России со странами Дальнего Востока начались несколько позднее, чем в регионе Ближнего Востока.

Интерес к Китаю в России впервые возник в XVII в., когда при царе Алексее Михайловиче в Китай были отправлены первые русские посольства. Тогда же Россия впервые познакомилась с китайским напитком — чаем и изделиями из шелка, фарфора, лака. В XVIII в. при Петре Великом и его преемниках китайские шелка, обои, посуда (фарфоровая и лаковая), панно, мебель (подлинная китайская и псевдокитайская) стали неотъемлемой частью дворцового интерьера. Почти в каждом дворце (дворец Петра III, Екатерининский дворец, дворцы Павловска, Петергофа, Ораниенбаума, Царского Села, Зимний дворец) создавались "китайские комнаты", которые содержали множество подлинных вещей китайского ремесленного и мануфактурного производства.

В это же время, и особенно при Екатерине II, начинают появляться целые "китайские" архитектурные комплексы, такие как Китайский дворец в Ораниенбауме, Большой Каприз, Скрипучая беседка, китайские мостики в Екатерининском парке и Китайская деревня и Китайский театр в Александровском парке Царского Села. Многие дворцовые и усадебные парки брали за образец китайское парковое искусство, правда, не в подлинниках, а в европейском (французском и английском) преломлении. Так в России был создан особый вид паркового искусства, китайский в основе.

Век Екатерины II — век Просвещения в России. Как хорошо известно, деятели Просвещения в целом своим идеалом полагали "просвещенную монархию". Сама же идея "просвещенной монархии" родилась после знакомства христианских миссионеров с Китаем, где они с изумлением обнаружили, что китайские императоры — не только самодержцы, но и весьма просвещенные люди. Поэтому в сочинениях русских просветителей (например, в журналах Н. И. Новикова) тема Китая как образца Просвещения звучала постоянно. Новиков печатал также переводы китайских назидательных сочинений (часто наставлений потомкам императора), как полезные для духа Просвещения.

Начало XIX в. — время знакомства русской читающей публики с подлинным Китаем. Усилиями первых русских китаеведов (Н. Я. Бичурина, П. И. Каменского, З. Ф. Леонтьевского) распространяются подлинные сведения из первых рук о политическом, культурном, нравственном состоянии Китая и его национальных окраин. Знания русских китаеведов получили международное признание, а Н. Я. Бичурин, долгое время бывший главой русской православной миссии в Пекине, привлекался даже как арбитр в научном споре французских китаеведов. В то же время и Н. Я. Бичурин не смог избежать идеализации китайской государственной системы.

Вторая половина XIX в. характеризуется развитием нового направления в китаеведении, давшего обильную пищу русскому образованному обществу (В. П. Васильев, П. Я. Кафаров, С. М. Георгиевский, А. О. Ивановский). Первое место занимает изучение буддизма в трудах Кафарова (Палладия) и Васильева. История и идеология буддизма долгое время изучалась на основании, в первую очередь, китайских текстов, переводных с санскрита и оригинальных, ибо санскритские первоисточники были утрачены (и вновь открыты лишь в XX в.), и источником адекватных знаний о буддизме стали китайская и тибетская традиции. В Европе начинается в ту пору систематическое исследование китайских идеологических систем. В это же время в России появляется книга С. М. Георгиевского "Принципы жизни Китая". Все это способствовало развитию интереса в русском обществе к китайской жизни и идеологии, в художественных и публицистических произведениях той поры постоянно встречаются суждения о Китае. Усилия китаеведов этого периода не прошли даром. Русские мыслители конца XIX—начала XX в. (известный философ Вл. Соловьев, например) пытались осмыслить в числе других и уроки китайской мысли и общественной жизни. Интересны усилия Л. Н. Толстого, находившего в китайских учениях нравственные основания, достойные внимания, и публиковавшего переводы Конфуция, Мо Ди, Лао-цзы под своей редакцией и со своими оценками.

Первые сведения о Японии проникли в Россию из западных источников в середине XVII в., а в 1699 г. русские впервые повстречали на Камчатке живого японца. Им оказался Дэнбэй, единственный оставшийся в живых из экипажа потерпевшего крушение японского судна. Он был представлен лично Петру I, который после беседы с ним задумал основать в Петербурге школу японского языка (в 1705 г.). С 1711 г. помощником Дэнбэя в деле преподавания стал японец Санима, также потерпевший кораблекрушение. Сын Санимы от русской девушки — Андрей Богданов работал в библиотеке Академии Наук и также стал преподавателем японского языка. Ему принадлежат первые русско-японские словари и пособия по изучению языка, которые, хотя и существовали в рукописном виде, но несомненно использовались при обучении. Богданов также был одним из первых собирателей русских пословиц, он

предпринял попытку составления первой русской национальной библиографии, написал первую историю книгопечатания в России и др. Время от времени преподаватели школы японского языка пополнялись из числа японцев, терпевших кораблекрушение на Дальнем Востоке. В 1753 г. школа была переведена в Иркутск, где и просуществовала до 1816 г. Время от времени в Петербург из разных источников попадали и экзотические предметы японского быта, которые пополняли коллекции Кунсткамеры.

Однако вплоть до середины XIX в. контакты Японии с Россией были крайне затруднены из-за политики самоизоляции, проводившейся японским правительством. Спорадические визиты в Японию русских кораблей, под предлогом установления торговых отношений или возвращения на родину из России потерпевших кораблекрушение японцев, не принесли желаемых результатов. Однако опубликованные впоследствии записки и дневники участников этих экспедиций донесли до русских читателей свидетельства очевидцев того времени о Японии и ее жителях. В. М. Головнин, который два года провел в японском плену, смог за это время ближе познакомиться с нравами и обычаями японцев, а также немало узнать об их стране в ходе длительных бесед. Свои впечатления он по возвращении красочно описал в изданной в 1816 г. книге "Записки флота капитана Головнина о приключениях в плену у японцев в 1811, 1812, 1813 годах, с приобщением замечаний его о Японском государстве и народе". Примечательно, что уже в 1825 г. это сочинение было переведено на японский язык.

В 1853—1854 гг. в Японию была направлена экспедиция Е. В. Путятина, в которой принимал участие известный писатель И. А. Гончаров. Свои впечатления от кругосветного путешествия он изложил в книге "Фрегат Паллада", а кроме того издал в 1855 г. свои путевые записки под названием "Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов".

Результатом миссии Путятина явилось установление официальных отношений между Россией и Японией и открытие русского консульства в Хакодадэ на о. Хоккайдо. Консульские работники приложили немалые усилия к приобщению японцев к русской культуре и одновременно для популяризации знаний о Японии в России. Консульский священник Иван Махов издал "Японско-русский словарь", а его преемник Иван Касаткин прожил в Японии с 1861 по 1912 г. Он заложил основы преподавания в Японии русского языка, а позже возглавил Русскую православную миссию. В русской периодической печати Касаткин регулярно публиковал статьи и заметки о жизни японского народа, его быте, верованиях. Особой популярностью пользовались его "Письма из Японии", регулярно печатавшиеся в "Московских ведомостях".

Среди преподавателей русского языка в Токийской школе иностранных языков особо следует отметить Л. И. Мечникова, брата известного биолога. Он хорошо знал японский язык, много путешествовал по стране. Свои впечатления он изложил в получившей известность книге "Японская империя", изданной, правда, в Швейцарии на французском языке, но имевшей хождение и в России.

В России произведения японской литературы долгое время были практически неизвестны и в русских переводах не существовали. Впервые образцы японской поэзии были представлены в 1896 г. читателям в сборнике "Китай и Япония в их поэзии", но в переводах не с оригинала, а с немецкого перевода Карла Флоренца. Серьезных русских научных трудов по Японии также фактически не существовало. Одной из причин отсутствия в России интереса к Японии было равнодушное отношение правительственных кругов к самой идее необходимости установления активных контактов с этой страной. В течение XIX в. японский язык в России практически никак не изучался. Ходатайство Петербургского факультета восточных языков об учреждении кафедры японской словесности, впервые поданное в 1871 г., было удовлетворено только в 1898 г. Несколько ранее преподавание японского языка началось в Дальневосточном университете во Владивостоке.

Мощным катализатором, вызвавшим всплеск интереса к Японии в России, послужила русско-японская война. С этого момента публикации на раз-

ные японские сюжеты хлынули потоком, появились переводы японской художественной литературы, активизировалось изучение японского языка. Так был подготовлен фундамент для появления в России научного японоведения, которое стало столь развитым уже в нашем, XX веке.

Первые сведения о Корее появились в России в XVII веке, когда вышел труд российского посла в Китае Николая Милеску Спафария "Описание первые части вселенныя именуемой Азией, в ней же состоит китайское государство". В этой книге была небольшая глава, в которой содержались сведения о географическом положении Кореи, об ее истории, экономике, этнографии. Первая же попытка официального контакта с Кореей относится к 1722 г., когда российский торговый агент в Пекине Лоренц Ланге попытался установить связи с корейским посольством. Ланге приехал в Пекин в составе российского посольства Л. Измайлова, которому указом Петра I велено было собрать различные сведения о Китае и прилегающих к нему странах.

По-настоящему близкое знакомство русских с корейцами началось только со второй половины XIX века. Научное изучение Кореи начали китаеведы. Так, в русской востоковедной науке в 1848 г. появилось "Статистическое описание Китайской империи", в котором был раздел, посвященный Корее — "Королевство Чаосянь". Этот труд был написан известным китаеведом Н. Я. Бичуриным, которому принадлежат и первые переводы глав из китайских исторических сочинений, посвященных описанию корейских государств.

Можно сказать, что, начиная со второй половины XIX века, Корея занимает уже самостоятельное место в русской науке. Об этом говорит целый ряд работ русских ученых — Горского, Кафарова, Поджио, посвященных Корее. Особое место занимают труды П. Дмитриевского, который много лет провел на дипломатической службе в Китае и Корее и даже был похоронен в Сеуле в 1899 г. "Географическое описание Кореи" — комментированный перевод корейского сочинения "Записки переводчика, составленные переводчиком при окружном управлении на острове Цусиме Отано Кигоро" был издан с большими комментариями самого Дмитриевского. В 1874 г. появляется первый словарь — "Опыт русско-корейского словаря", составленный чиновником для особых поручений при Приморском областном управлении М. П. Пушило. В 1886 г. впервые был поставлен вопрос о преподавании корейского языка на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, и в 1897 г. сотрудники корейской дипломатической миссии в Петербурге начали обучать студентов университета корейскому разговорному языку.

Личные контакты с Кореей в конце XIX в. осуществлялись в результате поездок в эту страну русских коммерсантов, миссионеров православной церкви, дипломатов, военных, ученых. В Петербург прибыла корейская дипломатическая миссия, на русских дальневосточных землях стали появляться первые корейские переселенцы.

Интерес к Корее выразился и в создании корееведческого направления в специальных учебных заведениях (в частности в Восточном институте во Владивостоке). Русская востоковедная наука на рубеже XIX—XX вв. обогатилась фундаментальными трудами, которые до сих пор не утратили своего значения. Это, например, "Описание Кореи", изданное в 1900 г. (его авторы — известные ученые А. М. Позднеев, В. Л. Котвич, Н. В. Кюнер), "Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Циосен" Н. В. Кюнера (1912 г.)

Труды русских ученых конца XIX—начала XX в. создали базу для развития корееведения в наши дни. Кроме того, русские ученые и дипломаты, посещавшие Корею в это время, обогатили нашу культуру уникальными коллекциями корейских рукописей и ксилографов, которые ныне хранятся в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН и в Санкт-Петербургском государственном университете, в библиотеке его Восточного факультета.

Русско-корейские культурные контакты оставили след и в творчестве русских писателей. И. А. Гончаров, в 1852—1855 гг. совершивший кругосветное путешествие и побывавший у берегов Кореи в составе экспедиции адми-

рала Пугятина, в своих пугевых очерках сетовал на то, что в Европе о Корее почти ничего не знают.

В конце XIX в. русский читатель впервые познакомился с корейской художественной прозой. В "Вестнике иностранной литературы" за 1895 г. появился перевод одной из самых известных корейских повестей "Чхунхян". Корейская тема обогатила творчество писателя Н. Г. Гарина-Михайловского. В 1898 г. Гарин, инженер-путеец по образованию, принял участие в экспедиции, обследовавшей районы корейско-маньчжурской границы. В результате в русской литературе появился дневник путешествия по Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову, в также записи корейских сказок. Это были первые в России записи корейского фольклора. Дневник Н. Г. Гарина и его записи корейских сказок выдержали много изданий. Заметим, что для дневника Гарина характерна та особая уважительность к культуре сопредельных с Россией азиатских народов, которая, как правило, отличала русских ученых и путешественников, обогащавших русскую культуру знаниями о культурных традициях азиатских народов.

Мы остановились лишь на некоторых моментах, характеризующих роль азиатского наследия в русской культурной и научной традиции в прошлом, главным образом в XVII—начале XX вв. Особая тема — культурное взаимодействие народов России с народами других стран Азии в новейшее время. Очевиден рост этого взаимодействия по различным линиям культуры — литературе, научному и техническому творчеству, традициям, быту, и т. д. Это — тема специального научного сообщения. Но одного ее важного аспекта нельзя не коснуться.

Хранящаяся в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН богатейшая коллекция восточных рукописей представляет собой подлинную сокровищницу культурного наследия всех азиатских народов. Собранная и изучаемая многими поколениями наших российских ученых, она открыла многие неизвестные страницы богатейшего исторического и культурного прошлого народов Азии. Работающие в Санкт-Петербурге ученые-востоковеды продолжают и сегодня оставаться проводниками и хранителями этого "азиатского наследия", получившего материальное воплощение в тысячах бесценных письменных памятников азиатских народов. Для российских востоковедов наше собрание восточных рукописей являлось драгоценным резервуаром, из которого они черпали необходимые сведения о культуре азиатских народов, пытаясь не противопоставлять, а сопоставлять и понимать иные культуры.

В наши дни рукописная коллекция Института востоковедения РАН является одним из самых крупных в мире собраний первоклассных рукописных источников по социально-экономической, политической и культурной истории народов Востока. Изучение этих письменных памятников позволяет исследователям исторического и культурного прошлого Востока правильно понять и оценить вклад народов Востока в сокровищницу мировой культуры.

Собранные в коллекции Института востоковедения рукописи и ксилографы дают довольно полную картину развития письменности в странах Востока, позволяют на конкретном материале изучать весь процесс становления и развития письменной культуры — от написания первых документов (на дереве, коже, бересте, пергамене, бумаге) до развития книгопечатания на Востоке.

В составе собрания — около ста тысяч рукописей и ксилографов. В нем представлено более шестидесяти восточных языков. Материалы собрания можно разделить на две большие группы. В первую входят рукописи, документы и ксилографы на языках, существующих в наши дни. Эту группу образуют крупные коллекции на иранских, тюркских, арабском языках; в ней богато представлены рукописные памятники и ксилографы на китайском, японском, маньчжурском, тибетском, монгольском, армянском, грузинском языках, а также коллекции индийских рукописей. Вторую группу образуют письменные памятники на исчезнувших ныне восточных языках — египетские и коптские папирусы, сирийские и самаритянские, санскритские и согдийские рукописи, тангутские рукописи и ксилографы. Отличительной чертой рукопис-

ного собрания Института востоковедения является наличие ряда совершенно уникальных фондов — памятники тангутской письменности, фонд согдийских документов, редкое собрание документов на уйгурском языке, крупнейшее собрание китайских рукописей из Дуньхуана, уникальная коллекция древних буддийских текстов на санскрите и сакском языке, одно из крупнейших в Европе собраний тибетских ксилографов.

Ученые-текстологи опираются в своей работе на богатые традиции отечественного востоковедения в области восточной текстологии. Исследованию восточной рукописной книги немало сил и таланта отдали выдающиеся представители российских востоковедов — В. М. Алексеев, В. В. Бартольд, Е. Э. Бертельс, И. Ю. Крачковский, Н. А. Невский, И. А. Орбели, С. Ф. Ольденбург, А. Н. Кононов.

Более четверти века работы по описанию фондов собрания Института востоковедения выявили два типа научного описания — полное тематическое и краткое алфавитное. Представляется оптимальным такой вариант, при котором фонд имеет изданный краткий алфавитный каталог, содержащий основные сведения о всех сочинениях и рукописях фонда, и специальные подробные описания, составляемые по тематическим рубрикам — исторические, географические, естественно-научные, литературно-художественные и т. д. К настоящему времени краткие каталоги имеют фонды персидско-таджикских рукописей, китайских ксилографов, дуньхуанских рукописей, арабских, монгольских рукописей. Остальные фонды представлены подробными тематическими описаниями, число которых к сегодняшнему дню достигло почти сорока томов.

Естественно, что обобщение накопленного в процессе описания и изучения фондов восточных рукописей опыта позволило поставить вопрос о подготовке специальной работы, которая, будучи текстологической в основе, выводит специалиста-археографа за пределы собственно текстологического анализа и поставит своей целью обобщенную характеристику рукописной книги на Востоке в рамках различных историко-культурных регионов. Опыт изучения восточных рукописей позволил вплотную подойти к решению этой новой научной задачи — выявлению роли рукописей в истории культуры народов Востока. Так возникла новая тема коллективной работы петербургских востоковедов-археографов — "Рукописная книга в культуре народов Востока". Большой авторский коллектив подготовил двухтомную монографию, в которой подробно рассматривается история зарождения и бытования восточной рукописной книги в различных историко-культурных регионах. Эта работа издана в 1987—1988 гг.

Оценивая значение исследования памятников письменности народов Востока для понимания процессов культурного взаимодействия народов мира, следует принять во внимание тот факт, что в сложном процессе становления и развития человеческой культуры рождение книги — вначале рукописной, а затем и печатной — сыграло, пожалуй, не меньшую роль, чем появление орудий материальной культуры. Рукописная книга, появившись у разных народов в различные исторические периоды, оставалась на протяжении многих веков главным аккумулятором всех видов человеческого знания, стимулятором культурного развития человечества, важнейшим инструментом распространения знаний и культурного опыта. На Востоке с появлением рукописной книги связаны многие десятки языков и письменностей. Восточная рукописная книга стала проводником нескольких мировых религий, помогала утверждению и распространению ряда религиозно-этических систем, обеспечивала преемственность культурных ценностей Востока. Именно изучение рукописных книг этих народов позволяет ученым в наше время воссоздавать картину их исторического прошлого. Именно исследование рукописных книг восточных народов открывает науке новые страницы человеческой истории, что позволяет взглянуть на историю народов Земли как на единое целое, рассматривать культурное наследие разных народов как общее духовное и культурное достояние народов мира.

Хотелось бы отметить, что работа по изданию и изучению памятников имеет исключительное значение, ибо востоковедная текстология является сегодня, безусловно, необходимой базой для проведения исследовательских работ во всех областях изучения исторического культурного прошлого народов Востока. Более того, опыт показывает, что изучение и издание памятника (литературного или исторического, философского или религиозного) в особенности памятника уникального, будучи важным самостоятельным научным событием, всегда становится стимулом и предпосылкой исследования историко-культурного процесса. Особенно яркими примерами подобного рода являются очень широко известные сегодня исследования уникальных тангутских и согдийских памятников коллекции Института востоковедения.

Когда весной 1909 г. П. К. Козлов начал раскопки древнего субургана (культового сооружения буддистов) у стен затерянного в песках южной Гоби мертвого города Хара-Хото, он не предполагал, что в этот момент родилась новая отрасль востоковедения — тангутоведение. Тангутское государство погибло в огне монгольского завоевания, исчез и тангутский язык: важнейшее свидетельство тангутской культуры — памятники письменности. Целую библиотеку, более восьми тысяч рукописей и ксилографов коллекции П. К. Козлова, составляет не имеющий себе равных тангутский фонд Санкт-Петербургского Филиала Института востоковедения.

Делом огромной сложности явилась дешифровка забытого тангутского языка. Начало реконструкции тангутского языка и воссоздания истории тангутов положил выдающийся ученый Н. А. Невский, блестящий знаток языков Дальнего Востока. За книгу "Тангутская филология", изданную в 1960 г. по инициативе академиков Н. И. Конрада и Н. А. Орбели, Н. А. Невский посмертно, в 1962 г. был удостоен звания лауреата Ленинской премии.

На основании сделанных им открытий были отождествлены многие тангутские сочинения, в том числе переводы с китайского. Это позволило значительно расширить наши знания о тангутской письменности. В результате многолетней работы М. В. Софоновым написана "Грамматика тангутского языка", а Е. И. Кычановым — первая в мире "История тангутского государства", основанная на тангутских исторических и правовых документах. Им же проделана огромная работа по изучению и изданию уникальных памятников тангутского права. К. Б. Кепинг подготовила ряд оригинальных работ по грамматике тангутского языка.

Большим научным событием стала дешифровка и исследование документов согдийской коллекции, изучение которой открыло новые страницы истории и истории культуры народов нашей Родины. Согдийское государство занимало в древности долины Зеравшана и Капка-Дарьи. Его культура оказала сильнейшее влияние на соседние страны, в том числе и на Китай.

Весной 1932 г. в Таджикистане среди развалин замка на горе Муг (120 км к востоку от Самарканда) была найдена корзина, в которой лежал документ, написанный неизвестными письменами. Фотография была отправлена в Ленинград, и здесь установили, что это текст на малоизвестном согдийском языке. В 1933 г. замок на горе Муг раскапывался экспедицией Академии наук СССР. В результате был обнаружен архив согдийских документов (всего 77 текстов на коже, бумаге и дереве). Документы относятся к периоду арабского завоевания Средней Азии.

Интенсивное изучение документов с горы Муг, проводившееся в Ленинграде, завершилось большим научным успехом — все документы были расшифрованы, опубликованы и исследованы. В эту работу вложен огромный труд М. Н. Боголюбова, А. А. Фреймана, В. А. Лившица и О. И. Смирновой, прочно закрепивших приоритет российской науки в исследовании одного из важнейших периодов истории Средней Азии.

О трудностях, которые пришлось преодолеть исследователям, может свидетельствовать хотя бы такой факт — в согдийском алфавите восемнадцать букв, из них девять в середине слова в курсивном письме практически совпадают по начертанию. Чтобы осуществить дешифровку, потребовалось применить все современные приемы анализа и реконструкции контекста.

Вместе с тем эта работа оказалась очень благодарной: впервые получены многочисленные и точные данные об уровне развития экономики и общественных отношений в согдийском государстве, о религии и правовых установлениях, о браке и семье согдийцев. Среди прочитанных документов особое значение имеют подлинные юридические тексты — договоры. Историки воссоставляли картину жизни обществ Средней Азии домусульманского периода в основном на базе археологических материалов. Теперь к ним прибавились свидетельства мугских документов, в том числе весьма важные.

Исключительную ценность для истории культуры народов древней Индии, Центральной Азии и Юго-Восточной Азии имеет хранящееся в Филиале уникальное собрание древних буддийских текстов на санскрите и сакском языке. Эта коллекция — результат одного из замечательных открытий конца XIX в., находок в Центральной Азии самых ранних, датируемых I—VII вв. н. э., записей буддийских текстов на санскрите.

Исторические обстоятельства сложились таким образом, что в Индии — на родине буддизма — не сохранились древнейшие записи произведений буддийской литературы. Самые ранние буддийские рукописи, имеющиеся в Индии, датируются XIII в. и содержат только одну, так называемую южноиндийскую редакцию — на языке пали. В нашу же коллекцию входят памятники буддийской религиозной, философской и художественной мысли другой, северной редакции — на санскрите, которая долгое время считалась утраченной и известной только по китайским и тибетским переводам. Коллекция насчитывает более пятисот фрагментов буддийских рукописей и по своему богатству не уступает собраниям западноевропейских стран.

Издание и исследование этих текстов позволяет решить многие проблемы возникновения и развития различных течений буддийской философии, дает материалы для изучения истории литературных языков средневековой Индии и исчезнувших с исторической арены народов Центральной Азии — саксов и тохаров.

Исследование и публикация материалов этой коллекции были начаты шестьдесят лет назад С. Ф. Ольденбургом. Затем, вплоть до начала 50-х годов, в силу разных обстоятельств исследование этих памятников, как и вообще работа по изучению буддизма и буддийской культуры, велось очень слабо. Понадобились годы, чтобы восстановить прерванную традицию и вырастить нужные кадры. В последнее время специалисты подготовили издание ряда важных текстов на санскрите и сакском языке. Большой интерес отечественных и зарубежных специалистов вызвала, в частности, публикация в 1965 г. уникального буддийского философского сочинения "Сказание о Бхадре".

Можно было бы продолжить примеры, свидетельствующие об исключительно плодотворных результатах текстологических исследований отечественных востоковедов.